

ГЛАВА 1

Крупный серый пес выскочил из-под еловых лап, и Хёрдис резко обернулась, услышав за спиной его шумное дыхание. Она чуть не спросила, где он был, но из осторожности промолчала: возбужденный вид собаки говорил о том, что поблизости кто-то есть. Пес прыгнул к ней, потом опять отскочил, стал припадать на передние лапы, вилять лохматым хвостом и заглядывать хозяйке в глаза, призывая идти за ним.

— Что ты там нашел? — вполголоса спросила Хёрдис. — Что-нибудь съедобное? Это было бы неплохо! Но если опять лось, как в прошлый раз, то я с тобой не пойду.

Серый схватил ее зубами за подол и потянул.

— Пусти! — возмутилась Хёрдис. — Мое лучшее платье! Другого мне теперь до зимы не дадут! Ладно, ладно, я иду!

Она привыкла разговаривать с Серым: он был ее единственным другом и постоянным спутником. В усадьбе от них обоих было немного толку, и они целыми днями бродили вдвоем, иногда забираясь так далеко, что даже ночевать приходилось в лесу. Впрочем, домочадцы Фрейвида Огниво о них не беспокоились. Многие были бы даже рады, если бы однажды побочная дочь хёвдинга вовсе не вернулась домой. За быстрый неслышный шаг, за дружбу с собакой и любовь к одиночеству, за неуживчивый, колючий нрав Хёрдис дочь Фрейвида прозвали Колдуньей, хотя колдовать она, к собственному большому огорчению, не умела.

Обрадованный пес отскочил и молнией кинулся в ельник. На бегу он изредка оглядывался и проверял, идет ли за ним Хёрдис. Собрал волосы и перекинув их на грудь, чтобы не цеплялись за ветки, она торопилась за Серым: ей и самой было любопытно, что такое он нашел. Рубаха из грубого серого полотна, некрашеное темно-серое платье и длинные темно-русые волосы делали Хёрдис незаметной среди лесных стволов, и незнакомый человек, столк-

нись они в лесу, скорее принял бы ее за хюльдру, чем за живую девушку.

Вслед за Серым она вышла из ельника к морю. Пологий длинный откос, покрытый пестрой кремневой галькой, спускался к самой полосе прибоя. Неподалеку на юге темнел бурый утес, называемый Тюленьим камнем. А с северной стороны быстро приближался незнакомый корабль. Ни у кого в здешних местах не было такого яркого паруса, бело-красного, с широкой синей полосой внизу. Окинув корабль цепким взглядом, Хёрдис отметила двадцать четыре или двадцать шесть скамей для гребцов, тюленью голову на переднем штевне, искру позолоченного флюгера на верхушке мачты.

— Какой большой корабль! — протянула она, восхищенная этим красочным зрелищем. — Посмотри, Серый, к нам пожаловал какой-то знатный вождь! Смотри, как отважно он гребет мимо Тюленьего камня, как будто и не слышал, что здесь надо приносить жертвы, если не хочешь приплыть прямиком на дно...

На носу корабля Хёрдис заметила двоих мужчин. Один выглядел уже немолодым, плотным, над поясом с крупной блестящей пряжкой у него выпячивался толстый живот. Широкое круглое лицо с желтоватой бородой обрамляли две косы, что сразу указывало на принадлежность к племени фьяллей. Взгляд Хёрдис остановился на пряжке. С такого расстояния нельзя было определить, золотая она или бронзовая, но Хёрдис хотелось, чтобы она была золотая и тем оправдала ее завистливую неприязнь.

Потом она перевела глаза на второго фьялля, стоявшего рядом с толстым богачом. Этому на вид было не больше двадцати четырех — двадцати пяти лет. Он был не слишком высок ростом, но хорошо сложен; острые глаза Хёрдис мгновенно отметили очень красивое лицо с правильными чертами, длинные светлые волосы, зачесанные за уши и перевязанные через лоб вышитой золотом лентой. Мужчины фьяллей заплетают волосы в две косы, но этот оставил их распущенными, видимо желая похвалиться их красотой и блеском. На руке красавца, лежащей на борту корабля, блестело толстое золотое обручье, синий плащ был сколот на груди такой же крупной золотой пряжкой, а под плащом виднелась красновато-коричневая рубаха. Крашеное платье в будний день, на море! Где же такое видано!

— Ты только посмотри, какой красавчик! — с восхищением и завистью бормотала Хёрдис, пристально оглядывая молодого фьялля, как будто целилась в него из лука. — Вырядился как на пир Середины Зимы! Или как будто едет свататься! Ну и дела! Хотела бы я посмотреть, как он во всей этой роскоши свалится за борт и его обнимет морская великанша!

Ни себе, ни Серому Хёрдис никогда не призналась бы, почему вид молодого фьялля так ее разозлил. Хёрдис злило и раздражало все желанное и недоступное, а недоступного для нее было на свете так много! Этот красавец даже не поглядит на нее, а если и поглядит, то лишь посмеется над ней — замарашкой, одетой как служанка, с шершавыми руками, без единого, даже плохонького украшения! Нет, он не для нее, не для Хёрдис по прозвищу Колдунья, не любимой ни одним человеком на свете. А раз так, то лучше бы его вовсе не было!

— Посмотрим, как ваше нахальство понравится Большому Тюленю! — шипела она, следя за быстро скользящим кораблем. — Мимо него такие гордецы не плавают безнаказанно!

Корабль стал огибать Тюлений камень. Хёрдис провожала его глазами, словно взгляд ее был привязан к кораблю и не мог оторваться. Казалось бы, что ей за дело до чужого корабля, который всего-навсего идет мимо побережья Квиттинга и даже не думает здесь приставать? Но вид его заставил ее сердце биться чаще, как всегда, когда она наблюдала что-то новое и необычное, не привязанное к скучной домашней повседневности. Корабли уходили в неведомые дали, а она стояла на берегу, словно прикованная к этим бурным скалам, угрюмым ельникам, к своей заурадной, скучной, подчиненной чужим правилам жизни.

В детстве Хёрдис любила воображать себя драконом, наводящим на всех ужас, способным наложить когтистую лапу на все, что понравится! Теперь Хёрдис было уже двадцать лет и она знала, что драконов на самом деле не бывает. Она знала свое место на свете, знала и то, как мало ей в этом мире причитается, но желания ее от этого не уменьшались. Почему люди носят красивые одежды, ходят в далекие походы, беседуют с конунгами, сочиняют висы, а ее, Хёрдис, дочь рабыни Йорейды, всё хотят привязать то к прялке, то к ткацкому стану, то еще к какому-нибудь скучному делу! «Если бы

Хёрдис родилась мальчиком, она давно сбежала бы к какому-нибудь морскому конунгу!» — часто говорила фру Альви.

Хёрдис очень жалела, что не родилась мальчиком. У мужчин в этом мире гораздо больше возможностей, даже если они рождаются побочными детьми знатного человека от рабыни и имеют не слишком приятный нрав. У них есть оружие, чтобы постоять за себя. А она чем вооружится? Веретеном? Тролли бы их всех взяли! Будь Хёрдис драконом, с каким удовольствием она съела бы этот корабль с ярким красно-бело-синим парусом и смешной тюленьей мордой на переднем штевне!

— Пойдем, Серый, посмотрим, может, они на той стороне скалы вспомнят о жертвах! — пробормотала она, не отрывая глаз от корабля.

Серый не ответил. Хёрдис ловко спрыгнула с каменного выступа и со всех ног кинулась сквозь чащу ельника через мыс, чтобы снова увидеть корабль с другой стороны Тюленьего камня. Пёс бросился за ней.

— Пожалуй, Хродмар, не стоит здесь приставать к берегу! — Моди Золотая Пряжка обернулся к племяннику. — Тут слишком много волков. Я только что видел одного. Так и бегают среди бела дня!

— Это не волк! — ответил ему Хродмар, провожая глазами неясное движение на берегу. Ему померещилась невзрачная фигурка в серой одежде, но она настолько быстро промелькнула, что он не взялся бы сказать, человек это был или тролль. — Там была большая собака. Она похожа на волка, но у нее хвост кверху и уши висят. И с ней девочка. Видно, рядом пастухи со стадом.

— Значит, где-то близко жильё. А возле жилья всегда есть вода. Надо все-таки поискать.

«Тюлень» обогнул береговой выступ, и в показавшейся ложбине Хродмар заметил среди темных еловых стволов несколько светлых пятен ольхи.

— Посмотри, родич! — Он кивнул в сторону берега. — Вон в расселине растёт ольха — наверняка там течёт ручей.

Моди сделал знак гребцам, и «Тюлень» подошел к берегу.

— Я сам! — Хродмар сбросил на скамью плащ и подошел к борту. — Подашь мне бочонки.

Встав на скамью, он поставил ногу на борт и уже готов был спрыгнуть на песок, как вдруг почти над головой его раздался вызывающий женский голос. Он прозвучал как крик чайки, и Хродмар не разобрал слов.

Подняв голову, он увидел на каменном выступе, нависшем над песчаной площадкой, ту серую фигурку, которую успел заметить на другой стороне мыса. Вцепившись в ствол толстой старой ели, над кораблем склонилась девушка лет двадцати, до самых колен окутанная густыми волнами темно-русых волос. Она была довольно высокой и крепкой, на бледном лице выделялись резко очерченные черные брови. Возле нее стояла крупная серая собака с висячими ушами, и эта странная парочка больше всего напоминала ведьму и ее верного скакуна-волка¹.

— Чего тебе здесь надо? — крикнула девушка. — Что это такому знатному господину понадобилось на нашем бедном берегу?

Хродмар смерил ее пренебрежительным взглядом. Если она не ведьма, то рабыня или служанка. Он вообще не стал бы ей отвечать, но ее дерзость показалась ему даже забавной.

— Я сам знаю, что мне надо! — заносчиво ответил Хродмар. — И я не буду у всякой ведьмы спрашивать позволения!

— Ай, какие мы гордые! — восхитилась девушка. — Видно, род свой считаем по головам от самого Хеймдалля!² Смотри, кто очень высоко задирает нос, тот часто падает в лужи! — с мнимой заботливостью предупредила она и усмехнулась.

Усмешка у нее была странная: правый уголок рта и правая бровь дернулись вверх, а левая половина лица осталась почти неподвижной. Казалось, девушка хотела удержать усмешку, но она все-таки частично прорвалась наружу.

— Как бы тебе не упасть самой! Слишком высоко ты забралась! — крикнул Хродмар.

Чтобы видеть ее, ему приходилось задирать голову, и это было досадно: Хродмар сын Кари не привык смотреть на кого-то снизу вверх. Тем более на таких замарашек!

¹ По скандинавским поверьям, ведьмы ездят верхом на волках.

² Имеется в виду миф, согласно которому бог Хеймдалль (возможно, Один) обошел все человеческие жилища и дал начало всем сословиям.